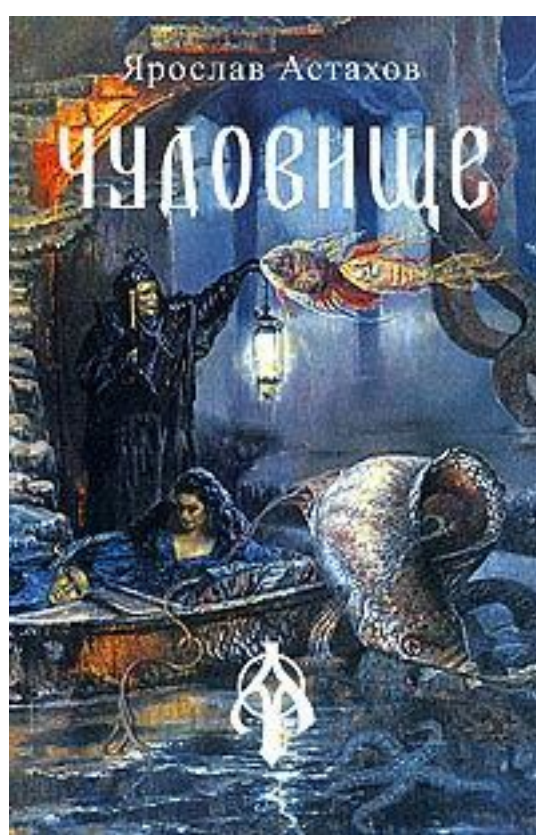

Ярослав Астахов

ЧУДОВИЩЕ

Чудовище

Ярослав Астахов

Чудо о змие

«Автор»

1992

Астахов Я.

Чудо о змие / Я. Астахов — «Автор», 1992 — (Чудовище)

История христианского подвига. Поединок святого Георгия со змием: духовный план. – Диктатор, я верю в Сына! Немыслимые слова эти, сказанные обычным голосом, разнеслись, повторенные эхом пустынно-роскошных зал... и по себе оставили они звонкой, напряженной тишину меж скошенными столпами солнца. Диоклетиан догадывался о чем-то подобном, хотя и не умел знать. Оно ведь было оно иным – посреди выражений ползучей злобы, разьевшего до костей страха, единовластного и тупого амока – как будто бы светящееся лицо Георгия. Такие попадались у странников, повидавших земли, и сделавшихся, подобно птицам и ветру, далекими от всего. Бывало – и у старых солдат, которые заглянули не раз в белесый и острый, как пламя, зрачок Медузы. И, разумеется, такими были лики у ближних – последователей Распятого, которых диктатор жег. Или, как почиталось оно изысканнее, посылал их в Амфитеатр. Где одни, разгневанные солнцем и голодом, звери – терзали их... а другие, смеющиеся с высоких ступеней выщербленного камня – видели. Диоклетиан снисходил и сам до присутствия на кровавых играх. И это располагало к нему народ. Вероятно, плебеям было приятно чувствовать, что в определенном смысле и он, «божественный», представляет собой плоть от плоти развеселой римской толпы. Едва ли было известно...

© Астахов Я., 1992

© Автор, 1992

Ярослав Астахов

Чудо о змие

*В красном поле святой Георгий,
серебряными латами вооруженный,
с золотою сверх оных веющей епанчей,
имеющий диадему на голове,
едуций на коне серебряном,
на котором седло и сбруя вся золота,
черного змия в подошве щита золотым копьем
поражающий.*

Екатерина Великая, Статут Ордена.

– Диктатор, я верю в Сына!

Немыслимые слова эти, сказанные обычным голосом, разнеслись, повторенные эхом пустынно-роскошных зал... и по себе оставили они звонкой, напряженной тишину меж скошенными столпами солнца.

Диоклетиан догадывался о чем-то подобном, хотя и не умел *знать*. Оно ведь было оно *иным* – посреди выражений ползучей злобы, разьевшего до костей страха, единовластного и тупого амока – как будто бы светящееся лицо Георгия.

Такие попадались у странников, повидавших земли, и сделавшихся, подобно птицам и ветру, далекими от всего. Бывало – и у старых солдат, которые заглянули не раз в белесый и острый, как пламя, зрачок Медузы. И, разумеется, такими были лики у *ближних* – последователей Распятого, которых диктатор жег. Или, как почиталось оно изысканнее, посылал их в Амфитеатр. Где одни, разгневанные солнцем и голодом, звери – терзали их... а другие, смеющиеся с высоких ступеней выщербленного камня – видели.

Диоклетиан снисходил и сам до присутствия на кровавых играх. И это располагало к нему народ. Вероятно, плебеям было приятно чувствовать, что и он, «божественный», в определенном смысле есть плоть от плоти развеселой толпы.

Едва ли они догадывались: не запах крови и внутренностей, волочащихся в песке, так учащает удары сердца Диоклетиана. Патриции передавали друг другу, что, наблюдая агонию нового тела, диктатор нередко подавался вперед и, всматриваясь, негромко произносил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.